

Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ¹

Меня ни сколько не удивляетъ фельетонъ Зауряднаго Читателя, въ 159 № Бирж. Вѣд. въ немъ авторъ является неболѣе какъ сторонникомъ извѣстныхъ тенденцій. Онъ крайне обидился за Каирову, по тому что она живая личность, а нехудожественный типъ и вообще самое дѣло о Каировой во все не такое какъ напримѣръ: дѣло Овсянникова, Митрофаніи и Струсберга, въ которомъ такъ или иначе бьется нервъ общественной жизни, замѣшиваются интересы массы; это дѣло неболѣе — какъ двѣ соперницы не могли подѣлать одного мужчины и одна порѣзала другую бритвою.

Во всемъ этомъ заурядный читатель не веренъ.

Каирова — типъ; типъ выработанный не фантазіей, а ложнымъ направлениемъ жизни; тѣмъ направлениемъ, которое съ легкой руки «Подводнаго Камня», Авдѣева и «Что дѣлать»², Чернышевскаго, проникла въ молодое (ныне уже устарѣвшее) поколѣніе, преимущественно въ грамотное женское и

// л. 1

сбило ихъ съ толку, выработавъ въ ихъ средѣ типъ; — этотъ типъ есть Каирова; та самая Каирова, которая фигурируетъ въ своемъ процессѣ; черты этого типа, приведенные въ Вашемъ дневникѣ и въ моемъ письмѣ не измышленіе, но они оглашены и выявлены на публичномъ судѣ, стало быть отданы въ достояніе публики, до тѣхъ поръ, покуда этимъ же судомъ они не будутъ опровергнуты какъ ложь и клевета; до той же Каировой, которая, какъ живая личность, носить это имя ни кому нѣтъ дѣла и напрасно Заурядный Читатель вызываетъ на симпатію къ ней. Дѣло о Каировой вовсе недѣло двухъ соперницъ, несумевшихъ подѣлать между собою одного мужчины, и вовсе не такое дѣло, — какъ Овсянникова; какой подрядчикъ нагрѣлъ около подрядовъ рукъ? — или — Матери Митрофаніи, въ коемъ опираясь на древній авторитетъ обирались богатые хранители древяго благочестія; или предстоящее дѣло Струсберга, въ которомъ банковскіе дѣльцы зарвались немножко подальше того, какъ дѣлаютъ другіе (если не всѣ) банки; да и зарваться было немудрено — звѣрь то ужъ былъ больно красный! Всѣ эти дѣла выражаютъ обычную злобу дня. — Но дѣло Каировой есть именно одно изъ тѣхъ, въ

// л. 1 об.

которомъ бьется нервъ общественной жизни и замѣшиваются (да еще нравственные) интересы массы... На судѣ объявились до какой степени типъ Каировой изслабленъ дамами; они аплодировали ея оправданію; они заявили свое

¹ В письме сохранена авторская орфография и пунктуация.

² К словам: «Что дѣлать» — сделана авторская сноска внизу на полях: въ названіи Чернышевскаго произведенія недѣлаю ли ошибки; прошу исправить

торжество по поводу оправданія судомъ излюбленнаго ими типа... И вотъ начнутъ разносить его по угламъ Общественной жизни, по семьямъ, по дотруарамъ, по народнымъ школамъ, начиная отъ центра къ окружности — отъ П<етер>бурга до провинціи. — Я жилъ въ то время въ провинціи, когда вышли «Подводный Камень» и «Что дѣлать.», и видѣлъ своими глазами, какъ тенденціи Чернышевскаго воспринимались молодыми читательницами и жадно ими всасывались, а затѣмъ проводились ими въ жизнь, некакъ личныя увлеченія, а какъ Принципъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, по тому что это утверждено было литературою. Небуду приводить много примѣровъ нравственной распущенности, основанной на принципѣ, но упомяну только объ одномъ, и то потому только, что онъ существуетъ сейчасъ и рядомъ. Живетъ въ уѣздномъ городѣ грамотный челоуѣкъ (изъ учителей), женатый на грамотной женщинѣ (она существуетъ теперь уроками); живутъ мирно, у нихъ есть дочка. — Но вотъ въ ихъ скромный, семейный

// л. 2

быть проникаетъ женщина (Каировскаго типа); женщина замужня, мать ребенка, входитъ въ тесныя отношенія, выживаетъ женщину — жену, бросаетъ своего мужа и ребенка и поселяется на житъе у своего Великанова; жена выжитая оставляетъ *своего* мужа, *свою* дочь, переходитъ на квартиру и, чтобы неумереть съ голоду, начала давать подомамъ уроки... Что же, это необщественное зло? — Что же этимъ не затронуть одинъ изъ важнѣйшихъ нервовъ общественной жизни — семья?. Что же, этимъ незадеты интересы массы?.. а дочь выгнаной матери?³ и ребенокъ брошенный новой Каировой? разве это неинтересы массы?. Да, правда, это интересы маленькихъ людей, это впечатлѣнница идеальной мелкоты...и стоитъ ли Литературѣ тратить на это бумагу; нѣтъ, ее надобно побережь для миллионовъ Овсянникова, для векселей Матери Митрофаніи, для облигацій Струсбергавскіхъ предпріятій, потому что все таки грандіозно.. Но довольно.

Закончу тѣмъ, что Великанова, услышавши объ оправданіи Каировой, до того была поражена страхами за себя, что поспѣшила скрытса въ провинціи отъ этаго дикаго, спущеннаго съ цѣпи, звѣря.

Желательно былобы, что бы Каировскій типъ по полнѣй прошолъ чрезъ Вашъ дневникъ.

Прошу принять увереніе въ глубочайшемъ къ Вамъ уваженіи Вашего,
Милостивый Государь,
Покорнѣйшаго слуги Дмитрія Карташова.⁴

// л. 2

---

³ Был восклицательный знак.

⁴ На полях внизу вписано: 18 Іюня 1876 года